

ISSN 2522-9192 (online)

In Nōminum Spatio (В пространстве имен):
Материалы Международных ономастических чтений
им. Е.С. Отина / Под. ред. В.М. Калинкина. – Вып. 5. –
Донецк : Издание Фонда «Азбука», 2019. – 148 с.

В сборнике содержатся материалы, представленные на Международные ономастические чтения им. Е.С. Отина. В докладах освещены вопросы антропонимики, топонимики, микропонимики, онимообразования, поэтонимологии.

Для филологов, преподавателей, студентов и всех, кому интересна ономастика.

© ФГИИ «Азбука»

© Лаборатория прикладного языкознания и медицинской лексикографии Донецкого национального медицинского университета им. М. Горького

ВОКРУГ НАУЧНОГО НАСЛЕДИЯ Е.С. ОТИНА.

ЭТИМОЛОГИЯ

А.И. Илиади (Кировоград)

SLAVO-IRANICA: КОМПОЗИТЫ СО СЛАВ. *MYSL- : ИРАН. *MANA-, *MAZDA-

*В статье представлены результаты сравнительного анализа древней иранской и славянской лексики, образованной от этимологически тождественных основ (восходят к одному индоевропейскому архетипу), а именно – слав. *mysl- : иран. *mana- ‘смысл’, ‘мысль’, ‘дух’, ‘воля’. Восстанавливаются элементы общей идеологии, выражаемой рассмотренной лексикой, и на этом основании делается вывод о формировании этого типа композит в эпоху древних контактов иранцев и славян.*

***Ключевые слова:** антропоним, композит, семантика, словообразование, этимология.*

1. Гнездо с этимоном *men- ‘мысль’ (от *men- ‘думать’) неплохо описано в специальной литературе по индоевропейской этимологии. Это касается как анализа морфологии и семантики его исторически засвидетельствованных производных в языках разных эпох, так и суммы реконструированных архетипов, предполагаемых для праязыковой древности разной хронологической глубины: праиндоевропейская → праславянская, праиранская, прагерманская и т.д. Однако всегда остаются детали, которые в силу разных причин остаются вне рамок научного анализа, не получая должного внимания исследователей. В некоторых случаях деталь воспринимается именно как деталь, ничего принципиально не меняющая в уже продуманной процедуре исследования, в схеме подачи материала, и в силу этого её обходят как фактор, отвлекающий от поставленных целей. Значимость деталей

In Nōtinum Spatio. В пространстве имен

осознаётся по мере их накопления, когда в их совокупности прослеживается определённая закономерность, высвечивая признаки самостоятельной научной проблемы. В частности пристальное внимание к нюансам семантики производных от *men-, их контексту в памятниках письменности и архаичных выражениях, сохранённых в современной фразеологии, показывает принадлежность лексики с этим корнем исключительно к «высокому языку» – языку поэзии, ритуала, права (их переход в словарь повседневного бытового общения – результат позднейшей профанации в отдельных языках), ср. рус. святая мысль, пол. święta myśl при ав. spəntā mainyū vahīštācā manahā hačā ašāt с формулой spəntā mainyū ‘святой дух’, ‘святая мысль’ (mainyav- ‘дух, душа’, ‘дух как очаг мысли и воли’), этимологически идентичной славянскому эпитету. Это вполне ожидаемо, ведь речь идёт о лексике ментальной сферы, органично вплетённой в тексты поэтического эпоса, молитв, гимнов, клятв, правовых предписаний со свойственными им поэтическими формулами, “строительным материалом” которых часто выступают единицы с указанным корнем. Для сравнения: в деловой и экономической документации древне- и среднеиранской эпох это гнездо представлено относительно небольшим количеством единиц с узким семантическим диапазоном, напротив, они широко употребительны в текстах религиозного и поэтического содержания. Таким образом, вопрос описания указанного лексического гнезда должен решаться с позиций языковой стратификации древнейшей эпохи, в ключе изучения функциональных разновидностей языка, которые обслуживали социальную жизнь индоевропейских обществ. А значит, не утратила актуальности выдвинутая и успешно развиваемая классиками сравнительно-исторического языкознания (А. Мейе, Дж. Девото, Р. Шмитт, Э. Бенвенист, А.В. Десницкая и др.) идея о выделении в праиндоевропейском словаре особой страты, связанной со сферами поэзии, религии и права, а также в самой системе праязыка слоёв, формально характеризующихся как “просторечный” (“народный”, “вульгарный”) и “благородный” (“поэтический”, “сакральный”). С учётом современной фактологии эта мысль применима и к исследованию аналогичных объек-

тов как в отдельном языке, так и в группе родственных языков, имевших тесные контакты в ранний период своей истории, что сказалось на формировании их религиозно-этической и правовой терминологии. Лексика духовной сферы, во многом сохранённая в литературном и диалектном словаре этих языков современной эпохи, позволяет судить об оригинальном развитии собственных рефлексов и.-е. *men- и выделить среди них следы влияния иной культуры, которые проявляются в идеологической семантике терминов и сложении композитов по семантическим шаблонам, сформированным в рамках другой системы смыслов.

Очень показательна в этом отношении память о лингвистических контактах древних иранцев и славян, отражённая в лексике и фразеологии их языков. Обильную пищу для размышлений и выводов даёт, помимо прочего, класс антропонимов-композитов с основами слав. *bogъ : иран. *baga- (идея подателя благ, доли в общем благополучии); слав. *migrъ : иран. *miθra- (идея договора, согласия, союза, общины, мира); слав. *slavъ : иран. *śrava- (идея послушания и славы); слав. *svęť : иран. *šçanta- (идея обилия, роста и святости) и, конечно же, слав. *myslь, *-myslь : иран. *mana-, *mata-, *mazda- (идея умственной силы, разума, мысли, духа), т.к. образуемая ими система является существенным (количественно и качественно) сегментом поэтического языка или наддиалекта, серьёзно затронутого славяно-иранским культурным взаимодействием. Относительно полную картину его результата можно представить только путём систематического сравнения корпуса антропонимов (и других именных сложений) в иранском и славянском, что уже сделано в классических работах В.Н. Топорова, посвящённых migr- и svęť-именам, а также в этимологических словарях славянских (ЭССЯ) и иранских (ЭСИЯ) языков. Несколько отстаёт описание этимологических параллелей и типологических аналогий в рамках гнезда и.-е. *men-, поэтому любое обобщение данных лексикона обеих групп языков, способное привести к системе соответствий, заполняет пробелы в наших представлениях о том, как формировались общие для древних иранцев и славян понятия

о сакральном, нравственном и как они отражались в общих принципах имянаречения.

2. Здесь представляется уместным рассмотреть несколько случаев, в которых в силу их специфики естественно подозревать следы совместного развития древних иранцев и славян. Предложенные сравнения делятся на две категории. К первой отнесены имена-компози́ты и формульные сочетания с этимологически тождественным составом (генетически едины обе части в сопоставляемых образованиях или только одна *mysľ : *manah) и одинаковым семантическим контуром. Ко второй – единицы, не имеющие генетически общих компонентов, но показывающие близкую организацию значения как возможное указание на общий образец.

3. Сравнительный анализ иранских и славянских лексических и синтаксических единиц с рефлексами и.-е. *men-показывает параллелизм в оформлении композитов с этим этимоном в обеих языковых культурах. Это проявляется как в полном этимологическом тождестве структуры (кроме форманта) сравниваемых единиц, так и в общих стандартах организации их культурной семантики, отражающей дуализм в основе религии и нравственных отношений в иранском и славянском обществе. Ср. примеры с генетическим тождеством обеих частей: псл. *boromysľ ~ праиран. *bara(t)-hu-mānah- или *manja-bāra-; псл. *dylgomysľ ~ праиран. *darga-manah-; псл. *samomysľ ~ праиран. *hama-manah-; псл. *somyľ ~ праиран. *hama-manah-; псл. *svętomōdrъ ~ ав. spəntō mazdā; псл. *svętomysľ ~ ав. spəntō.maiyava-; псл. *sъmysľ (?) ~ праиран. *hu-manah-.

Подобные совпадения, естественно, не могут быть случайными, а являются результатом тесного общения народов с близкой духовной культурой, с общим индоевропейским наследием, что обеспечило их глубокое взаимодействие в некоторых сферах. На уровне языка оно прослеживается в виде славяно-иранских изоглосс – общих элементов поэтического текста, правовой и религиозно-этической фразеологии, видимо, существовавших в виде формульных конструкций и их свёрнутых вариантов – имён-компози́тов с определённой идеологической нагрузкой. Они составляли значительный

слои «высокого» языка в той мере, в какой передавали нравственную идеологию культур, обслуживаемую этим языком. См., напр.: (‘носитель [доброй, благой] мысли’ или ‘носитель авторитета’) псл. **boromyślь* ~ праиран. **bara(t)-hu-mānah-* или **maniā-bāra-*; (‘сотворённый [доброй, благой] мыслью’ или ‘поставленный [благим] духом’) псл. **dēatomyślь* ~ ав. *mainyu.tāštəm*, *manyu.stātō*; (‘обладающий мудростью святого [духа]’ или ‘кто с памятью о священном’, ср. ав. *mazdāh-* ‘память’) псл. **svētomōdгь* ~ ав. *spəntō mazdā*; (‘[созданный] святым духом’ или ‘[носитель] святой мысли (духа)’) псл. **svēatomyślь* ~ ав. *spəntō.mainyava-*; (‘обладающий доброй, благой мыслью’) псл. **сьмыślь* (?) ~ праиран. **hu-manah-*; (‘тот, чьи помыслы чисты (правдивы)’) др.-рус. *сьмысль чисть* ~ мид. **spita-manah-*; (‘тот, кто с кротким, утешенным духом’) псл. **tēxomyślь*, **těšimyslь* ~ ав. *tušnā.matay-*. В свою очередь это стало возможным благодаря сложившимся общим семантическим клише, определявшим принципы отбора компонентов для формул и типов словосложения с точки зрения их сочетаемости.

4. Разумеется, комплекс совместных инноваций обоих языков складывался не в узких хронологических рамках какого-то определённого периода и не в пределах одного ареала. В разное время славяне соседствовали с иранцами (славяно-скифские, последующие славяно-сарматские, позднейшие славяно-аланские контакты на Волге, Дону, в карпатском ареале и сопредельных территориях) в границах разных ареалов или же были связаны достаточно устойчивыми торговыми путями. Характер взаимовлияния при этих контактах – отдельная проблема на будущее, т.к. следы славянского воздействия на древние восточноиранские языки и славянские заимствования в их вокабулярии установить довольно сложно по причине фрагментарности имеющихся сведений об этих языках. Благополучнее складывается ситуация с выявлением результатов иранского воздействия на язык славян. Часть славянских антропонимов с корнем **men-* образована из генетически славянского материала, но по клише, воспринятым из иранского источника, что закономерно с учетом иранизации семантического поля религиозной лексики внутри

славянского словаря, ср.: [3, с. 38], а также [2]. Ещё со времён А. Мейе и Р.О. Якобсона и вслед за ними особое внимание уделялось идее вероятного воздействия иранских религиозных воззрений на славян. Мнения некоторых учёных о заимствовании славянами иранских парных названий дуалистически противопоставленных полюсов мироздания подвели Вяч. Вс. Иванова к выводу о том, что “у славян следы давнего индоевропейского дуализма оживились благодаря последующим иранским воздействиям, шедшим в том же направлении. Как и по отношению к языку, особенно глубокое влияние в сфере религии оказалось возможным именно из-за начального родства взаимодействовавших традиций” [3, с. 35]. Это верно и в том, что касается упомянутого класса антропонимов, внутренняя форма которых, помимо прочего, отражает нюансы религиозного дуализма, актуальные при наречении именем.

5. Тут уместно вспомнить ещё о нескольких примерах подобного рода: *zъla(ja) slava, *zъlo-slavъ VS *dobra(ja) slava, *dobro-slavъ; *zъlo-dějъ VS *dobro-dějъ; *zъly-gostъ VS *dobro-gostъ; *zъlo-mirъ VS *dobro-mirъ; *zъlo-vědъ VS *sъ-vědъ, *sъ-vědomъ; *zъlo-věť VS *dobro-věť; *zъlo-vidъ VS *dobro-vidъ; *zъl-oba VS *dobr-ota. Этическая составляющая семантики, заключённой в этих противопоставлениях, как и семантика системы антропонимов-композиций с *bog-, *mir-, *mysl-, *slav-, *svęť- и содержащих эти элементы сакральных формул, отсылает к тезису о знакомстве славян с митраизмом, чьи идеи были усвоены ими и подвержены рецепции в синтетическом ключе, органично слившись со славянскими религиозными воззрениями (см., напр., [6, с. 2]; Вяч. Вс. Иванов уверенно говорит, что славяне испытали воздействие именно митраизма как особой отдельной религии [4, с. 16]). Поэтому весьма вероятно, что слав. *dobromyslъ, *dobro-slavъ (не как слово или молитва, но как молва, слух), *dobro-tvoгъ/*dobro-dějъ – имена, дублирующие «перекодированную» триаду Добрая Мысль (ав. humata-) – Доброе Слово (ав. hūxta-) – Доброе Дело (ав. hvaršta-), основополагающую для зороастрийской религиозной этики и близкой к ней этики митраизма. И точно так же, как в зороастризме,

5. Кобылина М.М. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первые века н. э. М. : Наука, 1978.

6. Топоров В.Н. Праславянская культура в зеркале собственных имён (элемент *mir-) // Топоров В.Н. Исследования по этимологии и семантике. М. : Языки славянских культур, 2006. – Т. 2, Кн. 2. – С. 11–141.

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	3
В.М. Калинин (Донецк). Е.С. Отин – <i>основоположник и организатор</i> <i>ономастического обследования Большого</i> <i>Донбасса и его “окрестностей”</i>	5
Вокруг научного наследия Е.С. Отина. Этимология	
А.И. Илиади (Кировоград). Slavo-Iranica: <i>компози́ты со слав. *mysl- : ИРАН.</i> <i>*mana-, *mazda-</i>	14
М.П. Казик (Братислава). Priezviskó <i>v ħivěsch meńbč ħenatěsch mińov v rapradi</i>	22
Е.О. Кузьминых (Воронеж). Особенности <i>использования прецедентного мифонима</i> <i>«Зевс» в названиях групп социальной</i> <i>сети ВКонтакте</i>	34
А.В. Петров (Симферополь). Хрононим <i>«Отечественная война 1812 года» в словаре,</i> <i>в сборнике пословиц и текстах В.И. Даля</i>	41
О.В. Подолина (Донецк). Структурно- <i>семантические характеристики именных</i> <i>терминологических словосочетаний</i> <i>в экономической сфере общения</i>	59
Ю.В. Щипанова (Оренбург). Своеобразие <i>лексической экспликации локальных</i> <i>геистальтов поэтического локуса Россия</i>	72
Н.В. Усова (Донецк). Коннотативность <i>как вопрос ономастики</i>	81

Поэтонимология

Е.Н. Карташова (Воронеж). Имя как <i>средство репрезентации образа женщины</i> <i>в прозе В.М. Шукшина</i>	90
---	----

In Nōtinum Spatio. В пространстве имен